

Марина
СЕРОВА

Спелое
яблоко
раздора

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Спелое яблоко раздора

«Научная книга»

Серова М. С.

Спелое яблоко раздора / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Эта история началась как любовный роман, но очень быстро переросла в криминальный. А как же могло быть иначе, если ее главная героиня – частный детектив Татьяна Иванова? Не успела она завязать приятное знакомство с Сергеем, приехавшим в город на поэтический семинар, как он стал ее клиентом. Оказывается, в гостинице, где остановились литераторы, произошло несчастье: организатор семинара Алекс Высотин найден у себя в номере мертвым. По версии милиции, поэт покончил с собой, но Сергей уверен, что у Алекса не было никаких причин затягивать на своей шее петлю электропровода. С головой окунувшись в писательскую среду, Татьяна берет на заметку многих из окружения поэта – завистников, конкурентов, недоброжелателей. А когда выяснилось, что у Высотина имеется взрослый сын от первого брака, в список подозреваемых добавился еще и наследник богатого поэта...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Спелое яблоко раздора

Глава 1

Возможно, что история эта не вызовет ни доверия, ни напряженного интереса, который априори должны вызывать детективные истории, но так или иначе я расскажу то, что было на самом деле, не стремясь ее приукрасить. Воспоминания об этом происшествии, безусловно, бросают тень на мою репутацию сыщика экстра-класса, которому под силу любые заковыки. Но иногда случается то, чего, как мне представляется, боится каждый сыщик, – столкновение со злодеем, которого ты не можешь ни одолеть, ни переиграть. Так случилось и со мной в тот раз.

Вообще же если я не скажу, что пребывала тогда в меланхолической расслабленности и даже больше – эллегической грусти, то далеко не все будет понятно. Однако мне кажется, что уже сложилось предвзятое мнение, будто я, Татьяна Александровна Иванова, только и способна, что палить из пушки, сидеть в засаде, крепко выражаться и пинаться, когда надо и не надо. Можно подумать, это и есть мой предел. Но ведь это же не вся правда обо мне!

Я женщина, и ничто женское мне не чуждо. Иногда мне тоже свойственно погрузиться, особенно в длинные осенние вечера, когда ничто не спасает от ощущения одиночества и неустройства. Возможно, что именно погода так разлагающе действовала тогда на меня, а может, причина была куда банальнее. Возможно, я грустила и потому еще, что не так давно рассталась с человеком, который был или казался мне дорогим и необыкновенным. Ну и, безусловно, не обошлось без обычной причины для хандры – безработицы. В тот момент у меня уже с месяц не было никаких дел, и объяснить, с чем связано такое положение, я никак не могла. Впрочем, и не старалась. Нужно ли?

Не то чтобы моя жизнь представлялась мне полосатым парнокопытным, скорее – чередой волнообразных колебаний, и я вполне уже научилась переживать периоды затишья. Средства на то, чтобы полениться в свое удовольствие, у меня еще имелись, вот я и ленилась, запивая грусть элитным кофе и заедая бутербродами, практически не отрываясь от чтения любимых авторов и просмотра любимых фильмов. Полагаю, картина не будет завершена, если я не добавлю, что – о, ужас! – мне не хотелось даже краситься и из дома я выходила только по самой крайней необходимости. Словом, я вполне невинно занималась самым любимым женским делом, то есть не делала ничего.

Но в тот день мне просто нужно было в срочном порядке пополнить запасы продуктов и сигарет, и, не очень-то уделяя внимание своему туалету, облачившись в джинсы и куртку, я отправилась в ближайший магазин. Нагрузив полную корзину, я встала в очередь к кассе и столкнулась глазами с высоким молодым человеком. На первый взгляд он показался мне несколько сонным, на второй – высокомерным, и только с третьего, более внимательного взгляда я поняла, что если в чем и можно было его упрекнуть, то не в сонливости и высокомерии, а скорее в привычке скрывать свои переживания, поскольку его отрешенный вид никак не соответствовал его яркому синему взгляду, которым он буквально пронизывал меня. Вспышка мгновенно получила ответную реакцию, и я почувствовала, что и в моих глазах появился и почти сразу потух огонек... интереса. Если быть честной, то не интереса вовсе, а желания. Я будто воочию увидела нас с ним в довольно пикантной ситуации. Нахмурившись, я отвела глаза и стала рассчитывать, все-таки ругнув себя за то, что из косметики на моем лице была только гигиеническая помада.

Однако, когда я отошла от кассы с покупками и чеком, этот странный человек снова возник рядом. Правда, на этот раз в его глазах не было и следа той вспышки, которая произвела

на меня столь сильное впечатление. Ощущение после нее было такое, что я сразу поняла, осознала и могла констатировать с полной уверенностью: этот человек будет в моей жизни. Кем или чем? Вряд ли стоило спрашивать – не знаю. Но сейчас он стоял передо мной, высокий, молодой, светловолосый, с правильными скандинавскими чертами продолговатого лица. Одет он был одинаково небрежно и хорошо, что давало представление о нем как о человеке со вкусом, а нарочитая растрепанность его выгоревших волос сообщала о дороговизне стрижки. Он молча наблюдал, как я перекладываю продукты в пакеты, а я уже предчувствовала, что сейчас он заговорит, и даже приготовила свою самую лучшую улыбку. К моему огорчению, он не заговорил, то есть заговорил, конечно, но не в магазине, а уже на улице.

– Простите, – сказал негромко незнакомец с характерной ленцией в голосе, выйдя следом за мной. Я обернулась, изобразив удивление. – Вы не скажете, откуда мне знакомо ваше лицо?

Честно признаться, я была несколько шокирована таким банальным приемом. Мне показалось, что от такого денди можно и даже следует ожидать чего-то не такого шаблонного. Но, всмотревшись внимательнее в его лицо, такое сосредоточенное, серьезное, я с неподдельным удивлением обнаружила, что он, похоже, действительно пытается вспомнить, где мы могли встречаться. Но я ничем не могла помочь, потому что, имея профессиональную память на лица, непременно запомнила бы его, если бы мы виделись хоть однажды.

– Боюсь, что не скажу, – вздохнула я. – Не думаю, что наши с вами пути когда-то пересекались. – Для достоверности я пожала плечами.

– Странно, – все так же лениво проговорил он и прищурился, – но я все равно вас откуда-то знаю. Только вот вспомнить не могу.

– А это так важно? – Я не знала, что еще можно сказать в такой глупой ситуации.

– Мне кажется, да, – на полном серьезе ответил незнакомец. – Может, тогда вы напомните мне, чем занимаетесь?

– А чем занимаетесь вы? – невежливо поинтересовалась я.

– Пишу, – просто ответил он. – Давайте помогу вам с сумками.

На мгновение у меня мелькнула нелепая мысль: уж не воришка ли он и не удерет ли с моими продуктами, но он как-то по-домашнему взял их у меня и предложил:

– Давайте я вас провожу.

– Спасибо, – немного растерявшись, пробормотала я и продолжила после некоторой паузы: – А что вы пишете?

– Стихи, – лаконично ответил он, вышагивая рядом.

– Так вы поэт? – Я даже притормозила немного, потому что еще никогда в жизни не встречалась с живым поэтом.

– Меня можно назвать и поэтом, правда, сам я не люблю себя так называть, – пояснил он, остановился, посмотрел на меня сбоку и, переложив мои пакеты в одну руку, протянул свою большую ладонь: – Сергей Белостоков.

– Татьяна Иванова. – Я не без опаски коснулась его руки, и снова мгновенно повторилось видение пикантной ситуации, а само прикосновение отдалось приятным покалыванием внутри.

Я заглянула в его глаза и поймала ту молниеносную вспышку. Это уже была какая-то метафизика чувств!

– Подождите-ка. – Огонек в глазах Сергея потух, он прищурился: – Так это о вас я читал на днях статью? Вы – частный сыщик!

– Да, – кивнула я. – Меня можно называть и так.

– Теперь я понял, откуда мне знакомо ваше лицо, там была фотография. – Он сдержанно улыбнулся и добавил: – В жизни вы куда обаятельней.

– Спасибо, – улыбнулась я, опять удивившись теперь уже его комплименту. Мужчины говорили мне разное, но вот обаяние как-то ни разу не удосужились отметить.

Мы молча шли, и я не без огорчения отметила, что тема разговора, собственно, исчерпана и теперь требуется приложить куда больше усилий для продолжения беседы. Однако ни он, ни я так ничего и не придумали, и, только оказавшись уже у моего дома, я сказала:

– Спасибо, что проводили, – и протянула руку за сумками.

Сергей не спешил их возвращать. Вместо этого он посмотрел на меня долго и изучающе и проговорил:

– Можете считать меня нахалом, но я все-таки скажу свое мнение. – Я промолчала, заинтригованная началом фразы. – По-моему, нам обоим вовсе не хочется так быстро расставаться. Мне кажется, мы не за этим познакомились.

Я бы согласилась, если бы не последняя ремарка. Полагаю, меня можно понять.

– А зачем? – спросила я.

– Еще не знаю, – как-то чересчур серьезно ответил он, чем озадачил меня основательно. –

А что думаете вы?

– Мне это тем более неизвестно, – скрыла я правду.

Мы снова помолчали. Как бы там ни было, но в его глазах я не нашла и следа того похотливого огонька, по которому можно было бы предположить, конечно, если исходить только из его слов, где он неискренен. Да и потом, он был прав – расставаться не хотелось. К тому же я отчего-то была уверена, что встреча эта отнюдь не случайна, и, проникнувшись ее важностью, но еще не понимая, в чем она заключалась, я все-таки проговорила:

– Пожалуй, если хотите, я могла бы угостить вас кофе.

– Если можно, лучше чаем, – мягко улыбнувшись, согласился Сергей.

Я рассеянно кивнула и вошла в подъезд. Он – следом. Самое интересное, что я понимала всю странность или, я бы даже сказала, нехарактерность своего поведения. Те, кто знает меня ближе, согласились бы с тем, что я на сей раз просто не отдавала отчета в своих действиях и что, наверное, просто сошла с ума – так не свойственно было для меня это приглашение, да и интерес к первому встречному тоже.

Мы вошли в мою квартиру, а вышел из нее Сергей только вечером, когда на улице уже основательно стемнело. Расстались мы так, будто были знакомы по меньшей мере несколько лет, а не несколько часов. Время в его компании пролетело незаметно, возможно, именно потому, что он совершенно не был похож ни на одного из моих знакомых мужчин. Темы для разговора были неисчерпаемы. Сергей, правда, говорил охотно, но мало и только о себе, что подтверждало мое предположение – он скрытен. Он читал стихи не только чужие, но и свои, и они, по-моему, были будто не его. Впрочем, я давно догадывалась, что стихотворцы либо несравненно лучше своих созданий, либо несравненно хуже. Чтобы понять это, достаточно сопоставить биографию того или иного поэта и его творения. Если же говорить о Сергее, то его вирши были не лучше и не хуже, а просто разительно отличались от имиджа этого сдержанного блондина, говорящего охотно обо всем, кроме самого себя. Однако вполне вероятно, что я просто еще очень мало его знала, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы.

Больше всего меня удивило одно: пока мы были рядом, все, что он делал и говорил, казалось совершенно естественным и не вызывало никакого удивления. И только когда Сергей ушел, я поняла, как непривычно галантно он держится и едва ли не неприлично умно выражается. Словом, это было нечто такое, с чем мне прежде не приходилось сталкиваться, по крайней мере, столь близко. И тем не менее я ничуть не жалела о своем приглашении, как и о том, что этот человек появился в моей жизни. Мне даже не приходило в голову как-то оправдывать нашу встречу.

Собственно, все, что я сказала до этого момента, является лишь предисловием к продолжению этой истории. А дальше, как и предполагается, последует детективный сюжет. Однако если бы я не уделила столько внимания рассказу о нашей с Сергеем встрече, то не только бы не смогла объяснить то, что произошло после, но и этого самого «после» без нашей встречи,

возможно, вообще не было бы. В любом случае я должна предупредить, что на этот раз детектив мало напоминал героический рассказ или, как принято говорить, детектив в стиле экшн. Но от этого он не перестал, на мой взгляд, быть произведением именно этого жанра хотя бы потому, что классический детектив отнюдь не всегда означает, что сыщик должен быть героически деятельным. Боюсь, испытывая терпение иных читателей, задеть за живое приверженцев чистоты жанра, но без нижеследующего замечания, которым рискую навлечь на себя гнев, дальнейшее повествование может оказаться менее понятным.

Итак, признаюсь, что не понимаю, почему история, начавшаяся как любовный роман, никак не может продолжиться как детектив, и уж вовсе ей не полагается иметь драматическую развязку. Как бы там ни было в книгах, но, наверное, мало кто не заметил, что в жизни именно так чаще всего и случается. Жизненные истории похожи не на сюжет одной книги, а на выдержки из разных произведений. Оттого-то мы и попадаем впросак, если ожидаем от жизни жанровости. Впрочем, я оставляю эти рассуждения, потому что если способность рассуждать вообще присуща сыщику, то вряд ли она настолько отвлеченна, хотя порой именно такие отвлеченные рассуждения и способны натолкнуть на разгадку преступления. Подозреваю, что в этом месте мой друг и помощник Киря, подполковник милиции Кирьянов, наверняка бы сказал: «Интеллектуальные закидоны, Танечка, не твой профиль». А что бы ответила на это я? Пожалуй, что учиться никогда не поздно. И непременно с едкой улыбочкой.

Что же касается моей истории, то детективная ее часть получила развитие на следующий же день. Началась она в послеобеденное время, когда я дочитывала классический детектив. Полагаю, ничего необычного в этом нет: у кого же и учиться, как не у книжных классиков? Собственно, завязка ее была более чем тривиальна, потому что ее озвучил телефонный звонок. Я даже немного удивилась, не предполагая, впрочем, что это и есть долгожданная работа.

– Слушаю, – сказала я, подняв трубку.

– Татьяна Александровна, – произнес низкий мужской голос, торопливо и как-то даже таинственно, – мне срочно нужно с вами увидеться. Срочно. У меня для вас важное дело. Можно, я приеду?

– Вы знаете мой адрес? – уточнила я.

– Да! – резко бросил голос.

– Хорошо, давайте договоримся, – согласилась я. Кто бы ни был этот человек, но тон его голоса свидетельствовал о том, что дело у него срочное и важное. – Скажем... – Я посмотрела на часы.

– Прямо сейчас! – не дал мне закончить собеседник. – Я не займу у вас много времени... Но это важно! А позже я не могу, честное слово, не могу!

– Ладно, – сдалась я. – Через сколько вас ждать?

– Минут через десять! – ответили мне.

– Хорошо, приезжайте!

Честно признаться, не очень-то и хотелось приступить к работе, лень действительно расхолаживает. Я даже поленилась встать с дивана, предпочитая дочитать детектив до конца – осталось несколько страниц. Времени до появления клиента на это как раз хватило. Я отложила книгу в тот самый момент, когда раздался другой звонок, на сей раз – в дверь.

Я открыла ее и увидела на пороге мужчину средних лет, одетого просто и как-то неряшливо. Телосложения он был могучего, с небритым лицом, однако серые глаза смотрели осмысленно, можно даже сказать, умно. Пепельного оттенка волосы уже тронула у висков седина, тонкие губы, большой нос и безвольный подбородок довершали портрет.

– Здравствуйте, – сказала я. – Это вы звонили?

– Татьяна Александровна? – радостно, словно встретил старую знакомую, приветствовал мужчину, но переступить порог не решался. Губы его лучились улыбкой, но столь скупой, что было понятно – человек улыбаться не умеет и делает это крайне редко.

– Заходите, – вздохнула я и посторонилась, чтобы пропустить великана.

– Это я вам звонил, – сказал он.

– Я поняла, поняла! – заверила я мужчину. – Проходите, пожалуйста, сюда, в гостиную. У вас ко мне дело?

– Да! – Он остановился и каким-то неловким движением выудил из внутреннего кармана своей куртки, которую, кстати сказать, так и не снял, несколько фотографий и белый конверт.

– Да вы проходите, – напомнила я, поскольку мы все еще стояли в прихожей. – Проходите и присаживайтесь.

Мужчина шагнул в комнату и как-то испуганно стал озираться.

Сел он, против обыкновения большинства моих гостей и клиентов, не на диван и даже не в кресло, а на один из стульев у дверей. Меня это тронуло, и я еле сдержала улыбку, глядя на его массивную фигуру, примостившуюся на краешке сиденья.

– Вы понимаете, тут такое дело! – заговорил он с характерным украинским акцентом, и при этом лицо его приняло извиняющееся выражение. – Я работаю в морге... патологоанатом, – представился он и слегка кивнул. Имени его я так и не узнала. – Понимаете, сегодня утром привозят ко мне одного клиента. – Я села в кресло и внимательно слушала посетителя. – Говорят, мол, самоубийство, ты его, того, приведи в божеский вид. Ну, я сначала и принялся за обычную работу, а потом глядь, я его знаю! – Посетитель глубоко вздохнул. – Точнее, знал. Оказался мой одноклассник, Сашка Колесников! – Он покачал головой. – Я его сто лет не видел, а тут такое... – Он протянул мне фотографии.

Я взяла их и внимательно рассмотрела. Фотографий было три.

На двух был запечатлен в профиль и анфас не слишком молодой мужчина со строгим и неприятно-лиловатым лицом, если уместно сказать такое, глядя на фотографии покойника. К тому же на шее мужчины явно выделялся тонкий темно-синий рубец, что несколько портило общую картину. Кстати, на третьей фотографии крупным планом была снята шея, и на ней, помимо синеющей полосы от удавки, отчетливо выделялись несколько небольших синяков, видимо, следы чьих-то пальцев.

– Чем это его? – спросила я. – Не похоже, чтобы веревкой, след слишком тонкий.

– Да, – кивнул патологоанатом. – Использовали электрический шнур.

– Понятно, – протянула я и заметила: – Но вряд ли он это сделал сам.

– Видите? – осторожно поинтересовался гость.

– Да, – кивнула я.

– Вот и я увидел. Но только не сразу. Синячки эти были замазаны тональным кремом. Это я после, как обмыли его, разглядел. – Я подняла глаза на посетителя: он явно нервничал, и это мне не нравилось. – Вот я и решил к вам сразу обратиться.

– А почему не в милицию? – поинтересовалась я.

– Так мне о вас подполковник Кирьянов сказал, – ответил гость, а я подумала, что непременно выражу личную благодарность товарищу подполковнику за заботу обо мне. – А что там, в милиции? Ну, показал бы я им, – продолжал между тем патологоанатом. – А они ответят, примем, мол, в разработку версию об убийстве. Да только как-то не очень уверенно они это сказали бы. Поэтому я к вам... – Он вздохнул, а потом снова заволновался: – Возьмите деньги, Татьяна Александровна, и найдите, кто его убил.

– А что вы знаете о покойном? – спросила я.

– Я же говорю, мы с ним давненько не видались. Вместе учились, а потом он уехал в Москву поступать в институт. Вот и все. Ну, я вам, конечно, скажу, где он учился, где жил. Вы только помогите. Знаете, какой это был человек? Он всегда меня и с праздниками поздравлял, и сынишке моему помог устроиться на работу в Москве. Мы с ним хоть и не виделись, но связь-то поддерживали. Я ему обязан многим! – В глазах моего гостя появилось отчаянное выражение.

– Ладно, да не волнуйтесь вы так, – вздохнула я. – Я сейчас ничего не могу обещать, но постараюсь помочь.

Что-то тронуло меня в этом неуклюжем большом человеке, так близко к сердцу принявшем гибель школьного друга.

– А вы уверены, что именно это он? – с некоторым сомнением спросила я, вернувшись взглядом к фотографиям.

– А как же! Я что же, Сашку Колесникова и не узнаю? – Он как-то весь сжался, покачал головой, а потом неловко протянул мне конверт, словно бы стесняясь. – Вот, мне сказали, сколько вам заплатить надо. Здесь не все, вы, говорят, сразу-то всю сумму и не берете. – Он глянул на меня исподлобья. – Тут же и адрес, и номер школы. Вы уж того, Татьяна Александровна, помогите...

– Хорошо, – заверила я, взяв конверт.

– Ну, тогда я пойду, не стану вас задерживать. – Он тяжело поднялся со стула. – Я вам позвоню, – говорил гость. – До свидания и спасибо вам большое.

Я открыла дверь, и патологоанатом ушел.

И, только оставшись одна и снова взглянув на фотографии, которые все еще держала в руке, я задумалась над тем, почему сразу согласилась взяться за это дело. Что я, в работе так сильно нуждалась? Нет ведь. Интерес профессиональный? Тоже нет. Тогда почему же я так безоговорочно влезла в это безнадежное с первого взгляда дело? Так и не поняв, почему и зачем, я вернулась в комнату, посмотрела на оставленные гостем деньги, на два адреса, написанные крупным нетвердым почерком на листке бумаги. Это было похоже на гипноз, честное слово. Ну уж если назвался груздем...

* * *

Я села и закурила, обдумывая свои дальнейшие действия. «Работа есть работа», – сказала я себе, зная, что почти все работающие люди говорят себе это, приступая к своим обязанностям. Да, работа есть работа, что тут добавить? Начинать нужно... Но тут я мыслями вернулась к личности патологоанатома и услышала внутри как бы первый тревожный звоночек, требующий разобраться, что именно смущает меня в данной ситуации. Однако я не удосужилась разобраться в причине. К тому же опять зазвонил телефон. Это оказался Сергей, и говорил он еще медленнее и тише, чем в нашу первую встречу:

– Таня, у нас тут случилось несчастье, и нужна профессиональная помощь. Ты не очень занята?

– Профессиональная помощь сыщика? – уточнила я, почти догадываясь, о чем идет речь.

– Да, – вздохнул Сергей. – Но это не по телефону, многое нужно объяснить.

– Приезжай, – пригласила я. – Если это в моих силах, помогу.

– Хорошо, – откликнулся Сергей и добавил: – Буду минут через двадцать.

На этот раз я времени не теряла, успев подкраситься и принарядиться к тому моменту, когда Сергей появился на пороге моей квартиры. Улыбаясь ему, я пригласила войти.

– Привет, – качнул он головой, и этот рассеянный жест согнал с моего лица улыбку. Что бы ни произошло, для него это явно было серьезно.

– Что случилось? – с ходу спросила я.

– Несчастье, – ответил он, опуская глаза. – Понимаешь, иначе это и не назовешь.

– Рассказывай, – попросила я, усаживаясь напротив Сергея за стол.

– Умер мой друг, – начал он после некоторой паузы. – Ты не замечала, Таня, что смерть близких до последнего момента кажется абсурдом? В нее просто не верится. – Он помолчал и закурил сигарету. Я сделала то же самое. – А тут вообще... – Сергей смотрел на свои руки.

Я подумала о том, что такими темпами мы и до утра не разберемся, в чем дело, и предложила коньяку. Сережа благодарно кивнул, и мы выпили. Конечно, это сдвинуло рассказ с мертвой точки, алкоголь почти всегда развязывает языки.

Не вставляя междометий, опуская описание Сережиного тяжелого взгляда и кучи самых разных вспомогательных жестов, лишних в книге, но совершенно неизбежных в жизни, изложу суть.

Нынешним утром в своем гостиничном номере был найден поэт Алекс Высотин. Мертвым. Точнее, удушенным. В качестве удавки использовался шнур электрической переноски. Использован шнур был довольно замысловатым способом – покойный сделал из него две петли: одну из них он надел на шею, а в другую продел отведенные назад руки. Затем, видимо, с силой дернул руки вниз, петля на шее затянулась, ну и результат налицо, как говорится. Я даже где-то читала о таком вот способе. Кажется, в каком-то детективном романе.

Поэту было сорок два года, он являлся президентом Фонда русской поэзии, а также наставником целой поросли молодых многообещающих стихотворцев, которых и созвал в Тарасов на поэтический семинар. Положение тела Высотина свидетельствовало о том, что задушил он сам себя, но мой клиент, а с этого момента, как вы понимаете, я имела полное право называть Сергея Белостокова своим клиентом, был совершенно убежден, что тут не обошлось без помощников, может быть, одного. Хотя у милиции не возникло никаких сомнений в том, что поэту просто расхотелось жить, Сергей настаивал на своей версии произошедшего.

Чтобы покончить жизнь самоубийством, считал он, должны существовать весьма веские причины: банкротство, несчастная любовь, травля врагов, шантаж или что-то в этом роде. Словом, человек должен попасть действительно в отчаянное положение, когда ему могло показаться, что смерть – самый легкий способ решения всех проблем. Однако, по мнению моего клиента, Высотин отнюдь не находился в безвыходном положении. Наоборот, банкротство ему не грозило, с женой ему повезло, шантажировать его было нечем, поскольку славился покойный достойной репутацией, но врагов имел... Дойдя до этого места, Сергей заявил, что сейчас выскажет не только свое мнение, но и мнение других учеников и просто близких поэту людей. У почитателей Высотина сложилась стойкая уверенность, что если кто и мог довести наставника до самоубийства, то только один человек – критик по фамилии Григорьев, который травил Высотина лет пятнадцать по меньшей мере.

Иван Иванович, так было имя критика, строчил злобные пасквили, и к этому даже привыкли. Однако последний сборник Высотина, вышедший за месяц до смерти, был этим критиком просто втопан в грязь, хотя, по мнению тех же родственников и знакомых покойного, стихи, собранные в книге, явили талант Алекса в новом качестве и с новой силой. Отсюда нетрудно заключить, что такого удара душа поэта не вынесла. Тем более что критик Григорьев приехал зачем-то в Тарасов, хотя никто его не звал, и, скорее всего, встречался с Алексом перед смертью того... Конечно, продолжал Сергей, все это можно считать досужими вымыслами, но оклеветанное имя, а главное – стихи Высотина зывали к мести. Словом, моя задача заключалась в том, чтобы я нашла этого борзописца и узнала две вещи: о чем говорили два человека накануне трагической гибели одного и кто за этим самым критиком стоял. В том, что существовал наниматель, Сергей со товарищи ничуть не сомневались, зная продажность большей части подобного рода писак вообще и Григорьева в частности.

– Пойми, это нужно для того, чтобы предотвратить на будущее подобные случаи, – говорил Сергей с жаром, который трудно было в нем заподозрить, – чтобы не позволять продажным критикам травить поэтов, да и вообще людей искусства. Далекое не у всех психика может такое выдержать.

– Так ты полагаешь, – прищурилась я, – что у Высотина сдали нервы?

– Возможно, – тут же отреагировал он, – ничего в этом удивительного нет. Я сам, когда получил критический отзыв на стихотворение, за которое мне дали премию, чуть с ума не сошел!

– Не думала, что тебя так легко травмировать, – заметила я. – Ты производишь впечатление очень сильного человека, – польстила я, потому что очень хотелось сказать, что производит он впечатление человека равнодушно-высокомерного.

Сергей помолчал, злобно пыхтя сигаретой, видимо, уже сожалея, что открыл мне столь интимную подробность своего характера.

– Разве ты не знаешь, что словом можно ранить больше, чем делом? – наконец сказал он в своей обычной холодновато-ленивой манере.

– Знаю, – согласилась я. – Не стану спорить и пытаться разубедить тебя в том, что чаще всего к самоубийству приводят более прозаические мотивы. И иногда слова. – Сергей красноречиво посмотрел на меня, но я продолжала, не давая ему возразить: – Тем более если речь идет о человеке, который вышел из сусально-идиллического периода своей жизни, то есть из отрочества. И потом, я заключила из твоих же слов, что он был человеком сложившимся и довольно сильной личностью. Поправь меня, если я не права.

– Да, – упрямей, чем следовало, подтвердил Сергей. – Да, он не был подвержен частой смене настроений и стихи писал по большей части позитивные.

– Вот видишь, – улыбнулась я. – Значит, твой поэт был оптимистом. И, может, я ошибаюсь, но все же осмелюсь предположить, что если кто его и загнал в угол, то вряд ли это сделал критик своими статьями. Впрочем, – тут же поправила я, – от дела я, как ты понимаешь, не отказываюсь и постараюсь узнать все, о чем ты меня просишь.

– Спасибо, – вздохнул Сергей и как-то сразу расслабился и погас.

Он оставил мне аванс, мы договорились созвониться, и вроде бы все было решено, но только он задержался еще на часок. Мы просто сидели и попивали коньяк, слушали какую-то грустную музыку и почти не говорили. Точнее, мы просто вместе молчали. Иногда это бывает так же важно, как умный разговор.

К обоим расследованиям я приступила на следующий день. Наверное, нетрудно предположить, что сначала я все-таки поехала в гостиницу, где остановился Григорьев и где проживал Высотин. Что же касается друга патологоанатома, то я решила заехать по оставленному мне адресу на обратном пути.

Глава 2

Стрелки подошли к одиннадцати утра, когда я входила в освещенный множеством ламп холл. На улице было пасмурно, то и дело принимался идти выматывающий монотонностью дождь, и, видимо, чтобы развеять сумрачную тоску постояльцев, в гостинице пользовались электричеством. Что еще сказать об этом временном приюте достаточно богатых приезжающих? Если человек хоть раз останавливался в отелях, трижды помеченных звездочками, то всякие описания излишни. Ну а если иному крупно повезло и он избежал подобного приключения, следует посоветовать как-нибудь поселиться в таком вот дворце. Как говорится, скучно не будет.

У портье со стандартно-вежливой улыбкой я выяснила, что господин Григорьев в это время как раз завтракает в гостиничном ресторанчике, и, отблагодарив парня с забавным именем Вагиз и не менее забавной физиономией скромными чаевыми, чтобы молчал обо мне, направилась в ресторанчик. Завтракающих оказалось до обидного мало: то ли еще было рано для местной публики, то ли уже поздно. Дюжина из пятнадцати имеющихся столиков пустовала, зато среди посетителей я без труда вычислила Григорьева, просто потому, что он был единственным мужчиной, если, конечно, не считать молодого паренька, а его я не считала, справедливо предположив, что юнец вряд ли мог в течение пятнадцати лет терроризировать поэта Высотина: ему от силы можно было дать двадцать.

Заказав кофе, я села за столик напротив Григорьева и стала изучать: это был человек лет сорока пяти, по виду интеллигентного происхождения, о чем свидетельствовала породистая, хоть и непропорционально крупная седоватая голова с четким орлиным профилем и упрямо выступающим подбородком. Телосложения хилого, роста среднего, гладко выбритый, одетый в застегнутый на все пуговицы серый костюм-тройку. Ел он традиционную яичницу и пил кофе. Я пристально уставилась на Ивана Ивановича, и он, конечно же, не мог не почувствовать магического притяжения моих зеленых глаз: критик как-то странно дернул подбородком и поднял голову. Я смущенно улыбнулась и отвела глаза. Через пару минут мы снова проиграли ту же мизансцену, с тем лишь отличием, что теперь, поймав мой взгляд, улыбнулся и Иван Иванович. Видимо, он был крайне равнодушен к женскому полу вообще, что и следовало ожидать, глядя на гордую посадку головы. Когда он в третий раз поймал мой взгляд, завтрак был окончен, и ничто не мешало ему присоединиться к понравившейся девушке, чем он и занялся.

Глядя на расслабленную походку этого джентльмена средних лет, я подумала, что не стоит так сразу его разочаровывать, демонстрируя свою лицензию – Иван Иванович скорее всего не принадлежал к робкому десятку. Он знает то, что знает, и вряд ли так просто это отдаст. Вот продать он, наверное, мог бы, но я пока не знала его цены. Впрочем, хищный огонек в глазах кое о чем свидетельствовал.

Я и раньше знала, что получить интересующую информацию проще и быстрее, если начать разговор с отвлеченной темы, не относящейся к цели разговора. Именно так я и поступила, когда Григорьев подплыл своей вальяжной походкой к моему столику.

– Доброе утро, – сказал он неприятным голосом, который можно было определить как очень громкий шепот или очень тихий сип. – Я не смущу вас, если предположу, что мы с вами знакомы или хотя бы когда-то виделись?

– Ничуть! – улыбнулась я сдержаннее, чем следовало бы. – Но мы действительно знакомы, по крайней мере я вас точно знаю.

– Вот как? – изогнул свои кустистые брови критик. – Вы позволите?

– Конечно, присаживайтесь, – кивнула я.

– Так откуда мы знакомы? – уточнил критик, заняв место за моим столиком.

– Я читаю толстые журналы, – ответила я. – И знаю, кто вы.

– В таком случае позвольте узнать, кто же вы, – польщенно улыбнулся Иван Иванович.
– А это пусть останется моим маленьким секретом, – ответила я с извиняющейся улыбкой. – Пока.

– О, вы любите казаться таинственной? – Его выцветшие, по-видимому, от спиртного и времени глаза живо блеснули.

– Да, люблю, – пожала я плечами. – Полагаю, женщине это простительно?

– Конечно, – проскрипел он, – особенно такой, как вы. Ну хотя бы намекайте, чем занимаетесь или, вернее, чем вы интересуетесь?

– Наверное, правильнее поставить вопрос так: чем я развлекаюсь, – поправила я, а критик плотоядно ухмыльнулся. – Развлекаюсь многим. Вот сейчас, например, меня интересуют поэты. Всякие. Вы замечали, что поэты не похожи на свои стихи?

– Очень тонкое наблюдение, – подхватил он.

– Вот сравнением личности поэта и его стихов я и развлекаюсь.

– Что ж, могу сказать, у нас схожие интересы. Точнее, развлечения, – заметил он.

Потом мы познакомились, однако я не допустила, чтобы пустая болтовня превратилась в беседу. И главного я достигла – была приглашена на ужин. Сегодня. В его номер. Аргументировал он свое не слишком пристойное приглашение тем, что как раз работает сейчас над интересной статьей о молодых поэтах и у него есть несколько интересных сборников. А поскольку их авторов он знает лично, то и предложил за ужином провести сравнительный анализ. Я даже немного разочаровалась, что от меня потребовалось только чуть подтолкнуть этого любителя сладких вин и некапризных женщин в нужном направлении, и он тут же, как угодливая собачонка, схватил апорт. Мне так и хотелось воскликнуть: «Что мы, женщины, можем делать с мужчинами!»

Да, пора всерьез переходить на прикладную психологию, она дает несравненно быстрые результаты, чем владение оружием. Впрочем, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Мы расстались с Иваном Ивановичем в самых лучших отношениях, простившись до шести вечера, после чего я покинула гостиницу. Теперь мне следовало отыскать улицу Героев Революции, где до смерти проживала другая жертва моего расследования. Не представляя, что мне мог дать этот адрес, я все-таки поехала туда. Если уж я обещала патологоанатому, то надо было сделать хоть что-нибудь. По здравом размышлении я понимала, что дело, за которое я взялась чисто по глупости, относится к разряду самых безнадежных, но я была бы не я, если бы не попробовала. И потом, деньги-то я взяла. Словом, я отыскала стандартную серо-бетонную девятиэтажную коробку, в которой обитал некогда Александр Колесников. Лифт, разумеется, не работал, а квартира, принадлежавшая покойному, находилась, судя по всему, где-то на седьмом этаже.

Кое-как вскарабкавшись на эту вершину, я без всякой надежды нажала кнопку звонка. Послышались шаги и голос, который мог принадлежать только очень пожилому человеку, скорее всего женщине. Через секунду из-за двери осторожно поинтересовались:

– Кто?

– Следователь, – сказала я, не желая на весь подъезд объяснять, что я частный детектив.

– Кто?! – переспросили меня с неподдельным удивлением.

– Следователь, – твердо повторила я. – Корочки показать?

– Покажите, – позволили мне, и замки защелкали.

Я показала одно из своих удостоверений, которым пользовалась в таких вот случаях, протянув его в образовавшуюся щель. Через минуту оно вернулось, и дверь открылась, впуская меня в полутемную духоту квартиры. Хозяйку, женщину лет шестидесяти-семидесяти, хотя у нее и был дребезжащий старческий голос, старушкой я бы назвать не решилась. Она была величава и ухожена прямо-таки по экстра-классу. Когда я прошла в комнату и разглядела ее при свете, то меня поразили две детали: крашенные хной огненно-рыжие волосы и неесте-

ственно черные дуги бровей, тоже крашенных. На Варваре Михайловне, а мы познакомились, едва я шагнула за порог, был надет кокетливый цветастый халат с воланами, а морщинистые руки были унизаны перстнями. Первое, что она сделала, – это закурила, и я, посмотрев на нее, внутренне содрогнулась, представив, что так же шокирующе, наверное, буду выглядеть сама в ее возрасте, если не брошу курить и доживу до преклонных лет.

– Слушаю вас, – повелительно проговорила она, затягиваясь длинной дамской сигаретой.

– Дело в том, – начала я, бродя бесцельным взглядом по обстановке комнаты, чтобы только отвлечься от созерцания удручающей картины своего возможного будущего, – дело в том... – Но тут я осеклась.

На пианино, среди прочих фотографий в милых рамочках, я увидела лицо, показавшееся мне странно знакомым. Я так и впилась в него глазами, пытаясь вспомнить, кто же это такой. Хозяйка проследила за моим взглядом, вздохнула тяжело и шумно, взяла снимок в руки и проговорила:

– Так я и знала, что вы из-за Сашеньки...

«Александр! – вспыхнуло у меня в мозгу. – Александр Колесников!» – И я тут же увидела перед собой те три фотографии из морга.

На такую удачу я, признаться, и вовсе не рассчитывала. Погасив торжествующий блеск в глазах, я ровным голосом произнесла:

– Да, я пришла к вам как раз по этому поводу. Простите, Александр Колесников вам кем приходится?

– Племянником, – вздохнула Варвара Михайловна, ставя фотографию на стол.

– Позвольте? – Я взяла ее после утвердительного кивка и поняла, что не ошиблась.

Лицо у Александра было не лишено приятности: большие серые глаза, высокий лоб, тонкий нос, четкая линия рта, круглый подбородок и русые волосы. Видимо, снимок был сделан совсем недавно.

– Скажите, – спросила я после паузы, – а чем занимался Александр?

– Да у него было что-то вроде фирмы, – неопределенно ответила Варвара Михайловна. – А вас-то что интересует? Мне сказали, что он сам...

– Вообще-то мы даже в таких случаях все равно расследование проводим, – как можно уверенней проговорила я. – Сами понимаете, всякое может выясниться.

– Наверное, правильно, – качнула головой тетушка и снова замолчала.

Я вздохнула, почувствовав себя неловко. Ситуация осложнялась еще тем, что я ничего, кроме имени покойного и способа его ухода из этого мира, не знала.

– Итак, – начала я разговор, – как вы думаете, почему ваш племянник решил свести счеты с жизнью и были ли у него для этого причины? Или, может быть, вы знаете какие-то иные обстоятельства? Или у вас есть какие-то соображения насчет того, кто... хм-хм... мог бы...

– Нет, девушка. – Великосветская дама не выходила из своего образа, величаво покачивая неприлично рыжей шевелюрой. – Ничего такого я не знаю. Виделись мы с Сашенькой редко. Жил он в Москве, сюда приезжал нечасто. И на этот раз навестил меня за два дня до своей смерти, и было это после шестимесячного перерыва. Надеюсь, вы понимаете, что при такой интенсивности общения мы не были с ним близки. В проблемы свои Саша меня не посвящал. Словом, все наше общение сводилось к открыткам и редким встречам. Я даже жену его не видела, хотя он женат уже шестой год. – Варвара Михайловна затушила сигарету и, посмотрев на меня, добавила: – В общем, вряд ли я чем-то смогу помочь вашему расследованию.

– Понятно, – кивнула я, вовсе не собираясь так скоро сдаваться. – Может быть, в таком случае вы знаете, где останавливался ваш племянник или хотя бы где он остановился на этот раз?

– В гостинице, – ответила хозяйка дома. – А в какой?.. – Она выразительно пожала плечами, давая понять, что такие мелочи ее никогда не интересовали.

– Значит, – мрачней лицом, уточнила я, – вы абсолютно ничего не знаете ни о его жизни, ни о его друзьях, ни о его проблемах?

– Вы совершенно правильно поняли, милочка, абсолютно ничего, – сказала дама и поднялась из-за круглого стола, за которым мы сидели во время этой неудачной, на мой взгляд, беседы.

– Жаль, – вздохнула я, тоже поднимаясь и направляясь к выходу.

– Ничего не поделаешь. – Варвара Михайловна проводила меня до дверей. – Ничего не могу вам рассказать. У нас с ним всегда были слишком разные интересы. До свидания. – И она закрыла за мной дверь.

– До свидания, – проговорила я запертой двери и уныло спустилась по лестнице.

При всей неласковости приема я не могла заподозрить эту чопорную старушечку в том, что она чего-то недоговаривает. Эта мумия, скорее всего, наоборот, была слишком откровенна. И тем не менее фотография племянника стояла у нее на пианино... Я вздохнула. Конечно, надо было бы с патологоанатомом пообщаться, узнать, где был обнаружен труп... Стоп, стоп, стоп, а что говорил прозектор? Зачем его ко мне Кирия отправил? Вот у кого можно разжиться информацией! Я радостно улыбнулась, села в машину и набрала Кирина рабочий номер. Но там мне сказали, что тот с сегодняшнего дня в двухнедельном отпуске, а дома – что он куда-то уехал. Я уже стала прикидывать, кому можно переадресовать свой вопрос, но тут взглянула на часы и в ужасе обнаружила, что до «времени Ч» у меня осталось всего каких-то два часа! О ужас, ведь нужно еще привести себя в порядок! «Завтра, завтра, не сегодня», – пробормотала я и поехала домой готовиться к свиданию с господином критиком, от которого я, признаться, ожидала гораздо больших результатов, нежели от утренней встречи.

* * *

Забегая вперед, могу похвалиться: господин критик меня не разочаровал. А все было так. Он встретил меня в своем номере, при полном параде и с букетом роз, удивительно гармонирующим с винно-красным оттенком моего платья. Жест был настолько же прекрасен, насколько нелеп.

При виде цветов я как-то неожиданно растрогалась, обстановка разрядилась, и мы сели ужинать. У Григорьева был номер люкс, то есть номер двухкомнатный. Мы уютно расположились в гостиной. А дверь, ведущая в спальню, замечу, была целомудренно прикрыта. Играла тихая музыка, мы говорили о стихах, то есть о стихах признанных и покойных авторов, и только после ужина, за ликером и сигаретами, перешли к обсуждению интересующего меня вопроса. Естественно, я и виду не подала, когда разговор коснулся покойного и признанного, хотя еще и не классика: Алекса Высотина.

– Вы слышали, что с ним случилось? – спросил меня Григорьев.

– Да, конечно, – ответила я. – Никогда не понимала самоубийц.

– Да, – согласился Иван Иванович. – К тому же мне трудно представить причину, из-за которой человек решает расстаться с жизнью.

Я вспомнила примерно такой же разговор с Сергеем и подхватила тему:

– А вы ведь знали Высотина? – Критик утвердительно кивнул. – Тогда, может быть, поделитесь своим мнением? Я хочу сказать, что у него не было причин для самоубийства, по крайней мере, чисто внешних. Так говорят, – поспешно добавила я.

– Внешних, да. Ну что такого могло случиться с Алексом? – Он пожал плечами. – Что ему грозило? Поруганная честь? – Я наострила уши. – Но это два века назад нельзя было пережить, а теперь... – Он сладко улыбнулся.

– Под поруганной честью вы имели в виду влияние ваших критических статей? – игриво поинтересовалась я.

– Нет, что вы, – отмахнулся Иван Иванович от моего предположения, как от пустяка. – Для Алекса они были замечательной рекламой. И он это прекрасно понимал. Под поруганной честью я имел в виду нечто другое, – таинственно проскрипел Григорьев и замолчал.

Я поняла, что он ждет уговоров с моей стороны и, приблизив лицо, прошептала:

– Но мне-то вы откроете эту маленькую тайну?

– Возможно, – просипел критик, утонув в моих глазах.

– Что нужно для этого сделать? – Мне не хотелось, конечно, перегибать палку, но Григорьева нужно было брать тепленьким.

Он близоруко заморгал, смутился, чего я от него никак не ожидала, и выдал:

– Мне кажется, торг неуместен. – Я сглотнула, испугавшись, что рыба сорвалась с крючка, но Иван Иванович благородно продолжал: – Сейчас я кое-что вам покажу.

Он порывисто поднялся с дивана, на котором мы так уютно расположились после ужина, и исчез в своей спальне. «Что бы это значило?» – пронеслось у меня в голове. Иван Иванович почти сразу вынырнул обратно, держа в руках какую-то папку. Видимо, он рассчитал, что лучшая цена за эту информацию – моя искренняя благодарность. Что ж, по-своему он был прав.

– Вот, смотрите, – с победоносным видом проговорил он, протягивая мне небольшую книгу. – Откройте страницу сорок третью.

Приняв томик – это был сборник стихов Алекса Высотина, по-видимому, тот самый, последний, – я послушно отыскала страницу.

– Прочтите стихотворение, – подсказал мне Григорьев, присаживаясь рядом. – Можете вслух.

– Хорошо, – улыбнулась я и прочла:

Но нет, не знали мы, не знали
И не умели разгадать,
Когда картины оживали,
Что рук нельзя нам разнимать.
Что нам нельзя разрушить сказку,
Ведь сказка рушится сама,
Когда мы придаем огласке
Любови первой имени.

– Отлично, не так ли? – заметил критик, когда я замолчала.

– Теперь смотрите сюда. – И он, как заправский фокусник, выудил из папки какую-то газетку. – Вот, а теперь прочтите это, – показал он на последнюю страницу. – Что вам это напоминает?

– Вслух? – спросила я.

– Лучше вслух, у вас хорошо получается, – похвалил меня Иван Иванович.

Я, благодарно улыбнувшись, посмотрела на страницу и, скрыв удивление, прочла:

ВОСЬМИСТИШИЕ

Но нет, не знали мы, не знали
И не умели разгадать,
Когда картины оживали,
Что рук нельзя нам разнимать;
Что нам нельзя разрушить сказку,
Ведь сказка рушится сама,
Когда мы придаем огласке
Того, кто в сказку нас позвал.

– Что скажете на этот раз? – хитро поинтересовался Григорьев.

– Но ведь это то же самое стихотворение, – я посмотрела на критика выжидательно, – хотя здесь и стоит имя какого-то Антона Бондаренко.

– Вы правы, стихотворение то же самое, – удовлетворенно кивнул Иван Иванович. – И что вы думаете по этому поводу? – пытал он меня, решив, видимо, разыгрывать из себя эдакого Пинкертон или Шерлока Холмса, отведя мне почетную роль доктора Ватсона.

– Полагаю, что кто-то из этих двоих вор, – просто ответила я и едва удержалась, чтобы не добавить слово: «Холмс».

– И кто же? – с самым заговорщическим видом поинтересовался Григорьев. – Кто, по вашему?

– Полагаю, что Высотин, – сказала я, с интересом глядя на него, и объяснила свою догадку: – Иначе вы не говорили бы о поруганной чести.

– Bravo! – воскликнул Григорьев. – Вы совершенно правы: Алекс стянул этот стишок у молодого поэта.

– Но зачем, Иван Иванович? – задала я своевременный вопрос. – Зачем известному поэту воровать стих у поэта неизвестного? Не вижу в этом логики. Вот если бы наоборот... Кстати, – я посмотрела на выходные данные газетки, – вы не знаете, когда Высотин написал свое стихотворение?

– Я знаю другое, Танечка, – самодовольно ухмыльнувшись, ответил Иван Иванович. – Я знаю, что сборник вышел позже, чем газета.

– Вы правы, – вздохнула я, сверив даты выхода в свет книги и газеты. – Но можете ли вы доказать свою правоту?

– Полагаю, что да, – заверил меня критик. – Я нашел этого паренька и на днях собираюсь его посетить. Он живет, кстати говоря, в пригороде.

– И что же? Вы думаете, он предоставит вам доказательства? – Я пытливо прищурилась.

– Уверен. Больше того, хочу пригласить вас с собой. – Я подняла брови. – Если, конечно, вас заинтересовала вся эта история, – тут же добавил Иван Иванович.

– Заинтересовала! – хмыкнула я. – Я даже готова поспорить с вами, что вором окажется не Алекс, а мальчишка! – Мне нужно было подстегнуть этого борзописца.

– Согласен! – принял пари Иван Иванович. – Проигравший должен будет выполнить одно желание победителя, – нагло заявил он, поблескивая глазами.

– Отлично!

Мы заключили вполне циничное пари, так сказать, в духе времени. После этого договорились насчет поездки, и я распрощалась с господином критиком. Мне уже было о чем подумать.

* * *

Конечно, я могла бы сразу спросить его, не был ли он накануне смерти у Высотина, выполняя таким образом порученное мне задание, но подумала, что об этом я спросить могу всегда, а сейчас мне было куда интереснее совершить поездку с критиком, назначенную на послезавтра. К тому же я полагала, что обвинения в плагиате если и не главная причина, подтолкнувшая Высотина к самоубийству, то, скажем, одна из многих. Вполне может быть, что человек просто не выдержал прессинга. Иногда в жизни складываются такие ситуации, когда, за что ты ни берешься и что ни делаешь, ничего не получается, ничего не выходит и, кажется, ничего и никогда впредь уже не поправится. Нужно обладать порядочным мужеством, чтобы пережить такие вот периоды, и далеко не всем это под силу.

Кстати, надо бы узнать о Высотине побольше. Может, тут действительно целый букет. Мало того, что критические статьи-обвинения, так еще и измена, например, любимой жены, какие-нибудь неприятности в фонде. И надо еще узнать о том, сообщил ли Григорьев самому Высотину о своей находке. Я поставила себе «галочку» для памяти. Поставила и продолжала размышлять уже по дороге домой.

Безусловно, обвинение в плагиате меня не только удивило, но и порадовало. Я мало знала о душевных качествах покойного, но неумолимая логика подсказывала, что если кто и мог быть вором, то, скорее всего, все-таки Бондаренко. Глупо как-то было подозревать в этом Высотина. Только такому литературному агрессору, как Григорьев, могло подобное прийти в голову. Впрочем, я решила, что на эту тему нужно поговорить с Сергеем Белостоковым и другими друзьями поэта.

Но это было не главное, что меня волновало в данный момент. Конечно, я не могла не заметить некоторых совпадений в участии своих «подопечных», я имею в виду Александра Колесникова и Алекса Высотина. Совпадение первое – время смерти. Совпадение второе – очень похожие имена. Согласна, это ничего не значит, но меня это смущало. Совпадение третье и, на мой взгляд, самое серьезное – орудие и способ убийства. Оба были задушены электрическим шнуром. Правда, одному из них явно помогли, о чем свидетельствовали синяки на шее покойного; а насчет другого никаких сомнений вроде бы не возникало. Словом, невозможно было удержаться от сравнительного анализа. Чтобы успокоить себя, я позвонила все-таки в милицию и узнала, кто там занимается делом Высотина. Следователем оказался капитан Васечкин, который был наслышан о моих «заслугах перед отечеством» и вступил со мной в контакт. Разговор не занял и десяти минут.

Капитан заверил меня, что никаких подозрительных следов на теле покойного обнаружено не было, и в том, что это самоубийство, сомневаться не приходится. Что же касается морального давления на Высотина, то в его предсмертном письме, которое было обнаружено милицией, он черным по белому написал: «В моей смерти прошу никого не винить».

– А что он еще написал? – полюбопытствовала я.

– Сейчас, – сказал на это Васечкин, пошуршал бумажками и прочитал: – «Причины, по которым я ухожу из жизни, касаются только меня одного. В моей смерти прошу никого не винить. И, пожалуйста, не сплетничайте, покойник этого не любил. Лада, прости за то, что семейная лодка разбилась о быт. Алекс Высотин». Число и подпись.

– А Лада – это кто? – спросила я, борясь с назойливым ощущением, что нечто подобное мне где-то уже встречалось.

– Его жена, – ответил мне Васечкин.

– Слушайте, капитан, а вам не кажется, что письмо это какое-то странное? Ну, мне оно что-то напоминает, но что...

– Напоминает письмо Маяковского, – твердо выдал Васечкин.

– Да, – согласилась я, думая, как же я могла забыть про «лодку и быт» и про то, что «покойник не любил сплетен». – Что ж, спасибо за информацию, – поблагодарила я следователя. – А не подскажете, капитан, вы случайно не знаете, кто занимается расследованием смерти Александра Колесникова?

– Вот чего не знаю, того не знаю. А кто это?

– Этого я тоже пока не знаю, – призналась я. – Но он умер от удушения в то же утро, что и Высотин, тоже электрическим шнуром. Хотя ему, похоже, помогли.

– Нет, тут ничем не могу помочь. Попробуйте позвонить завтра.

– Хорошо. Спасибо, капитан, – еще раз поблагодарила я.

– Всего хорошего, – отозвался Васечкин и положил трубку.

Я остановила машину у киоска и вышла купить сигарет. Теперь у меня появилась еще кое-какая информация к размышлению – предсмертное письмо. Может, это какой-нибудь

намек? Вокруг смерти Маяковского в свое время ходило немало слухов. Может, Высотин хотел что-то таким образом сообщить или намекнуть на что-то? Что за странный посыл? Не думаю, что у поэта просто не хватило фантазии на сочинение оригинальной предсмертной записки. Тогда почему именно Маяковский? Может быть, Владимир Владимирович был просто любимым поэтом Высотина? Тогда его письмо можно было бы как-то истолковать. А если все-таки это намек, то не на причины ли, побудившие в свое время покончить с жизнью и первого, и второго? Тогда логичнее было бы и способ такой же избрать – пистолет вместо удавки.

Словом, появление письма повлекло за собой кучу разных вопросов, и я даже забыла на время о Колесникове, чувствуя неслучайность фраз в этой записке и горя желанием разгадать головоломку. Вернувшись в машину, я закурила и позвонила Сергею.

– Слушаю, – ответил он мне через мгновение.

– Сережа, здравствуй, это Таня. У тебя есть немного времени? Мне нужно задать тебе кое-какие вопросы.

– Мне приехать?

– Нет, необязательно. Достаточно телефонного разговора, – успокоила я.

– Тогда я могу перезвонить тебе минут через десять? – поинтересовался Сергей.

– Хорошо, – согласилась я и поехала к дому, все еще раздумывая над тем, что же хотел сказать своим письмом Высотин, если хотел этого вообще. Был ли в нем скрытый смысл?

Сергей перезвонил мне, когда я уже поставила свою «девятку» в гараж. Я села на лавочку около дома, закурила и стала задавать ему вопросы:

– Значит, так, проведем опрос. Коротко и четко. Скажи, ты знаешь, кто был любимым поэтом Высотина?

– Гумилев, – без заминки ответил мне Сергей.

– Как относился Высотин к виду крови?

– О, с ним чуть истерика не случалась! Однажды... – начал он, но я перебила:

– Сережа, потом объяснишь. Какие отношения были у Высотина с женой?

– Нормальные, – чуть удивленно произнес Сергей.

– Она ему не изменяла? – поставила я вопрос иначе.

– Ну, Лада красивая женщина... – как-то смущенно произнес Сергей. – И разница у них в возрасте пятнадцать лет. И потом...

– Понятно, – прервала я, поняв по его тону, что факт измены вероятен, хотя и не установлен. Пока.

– Ты знаешь о предсмертном письме Высотина? – задала я последний вопрос.

– Да, знаю, что он просил никого не винить в своей смерти, но это как раз очень в его стиле.

– Спасибо, ты мне здорово помог, – сказала я. – Мне бы хотелось повидаться с Ладой.

– Она вчера приехала. Хоронить Алекса будут здесь, на родине.

– Ты не сказал мне, что он мой земляк, – заметила я.

– Извини, вылетело из головы.

– И еще ты ничего не сказал о его письме.

– Я его не читал и даже не видел. А в чем дело?

– Позвоню тебе завтра, хорошо? – пропустила я мимо ушей его вопрос.

– Ладно, только завтра похороны. В двенадцать.

– Учту. Пока. – И я отключила аппарат.

Я не стала говорить Сергею о возможности плагиата в жизни его друга, отложив эту новость до поездки к молодому поэту, после которой, я надеялась, у меня появятся какие-то доказательства его причастности или наоборот. Но зато я кое-что поняла из этого разговора. Например, то, что Высотин наверняка не случайно цитировал Владимира Владимировича. С этим предстояло разобраться. Родственники и знакомые хотели знать правду о смерти поэта.

Что ж, они ее узнают, какой бы она ни оказалась. Татьяна Александровна Иванова умеет отработывать свой гонорар. Подумав о гонораре, я вспомнила и о злосчастном Колесникове: вот уж где мне придется с гонораром попрощаться. Впрочем, прежде чем возвращать деньги, я решила хотя бы обзвонить гостиницы, ведь надо же узнать, где он останавливался. Может, не все так безнадежно.

Однако здесь меня ждал полный провал. Ни в одном из городских отелей не регистрировался гражданин с фамилией Колесников. Были Колесовы, Колькины и даже один Колобесов, но ни одного Колесникова в течение последних двух недель. И патологоанатом, как назло, не оставил мне своего телефона. После этого я мысленно почти распрощалась с денежками и сосредоточилась на Высотине.

Глава 3

Сегодня я уже ничего делать не собиралась, хотела только выспаться и все остальные дела и размышления отложить до утра, которое, как известно, всегда мудренее вечера. Я вернулась домой и, поужинав, легла спать.

Утром я позвонила Сергею и спросила, когда мы сможем с ним встретиться.

– Таня, мы сейчас едем на похороны, – сказал он мне. – В принципе ты тоже можешь подъехать. Тут все будут...

– Ладно, – вздохнула я, – скоро буду.

Конечно, мне не хотелось этого делать, потому что к похоронам у меня была стойкая и давняя неприязнь, но только так я могла увидеться и познакомиться с вдовой умершего поэта и его друзьями.

Спешить я не собиралась, делать мне на панихиде было нечего. Я собиралась приехать туда попозже, чтобы избежать неприятной для моей психики сцены прощания. Поэтому и не торопилась; но собралась и прибыла на кладбище тогда, когда могилу уже засыпали землей. Вовремя, что называется, успела. Еще немного, и я могла бы никого не застать.

В последний путь поэта провожало человек двадцать, но я без труда в этой облаченной в черное толпе узнала высокую фигуру Белостокова и напрямик направилась к нему. В этот момент закапывали деревянный крест с именем и фотографией покойного. Сначала я пробралась к Сергею, стоящему между красивой, но мертвенно-бледной блондинкой и коренастым смуглым кавказцем.

– Сережа, – шепотом позвала я, оказавшись за спиной Белостокова.

Он повернулся на мой голос, и тут мой взгляд упал на фотографию на кресте...

– Таня? Ты все-таки приехала... – прошептал Белостоков. Он что-то там еще говорил, но я уже не слышала. Я смотрела, буквально пораженная увиденным. С фотографии на кресте на меня смотрел Александр Колесников.

* * *

– Таня, – тронул меня за плечо Сергей, – что с тобой?

– Ничего страшного, – сказала я, отводя глаза от портрета покойного.

Вот так финт! Первое, о чем я подумала, так это о том, что, может, не придется расставаться с деньгами, заплаченными мне патологоанатомом. Если я расследую дело одного и того же человека... Но тут же возникла другая мысль: почему мне в милиции твердо сказали, что Высотин-Колесников точно повесился сам, хотя на том фото явно были видны синяки? Это следовало уточнить в срочном порядке. Однако сначала нужно было назначить встречу с вдовой, которая сейчас смотрела на меня не без любопытства. Должно быть, видок у меня был еще тот!

– Сережа, – оправившись от шока, проговорила я. – Можно тебя на минуту?

– Конечно! – Он нахмурился и отошел со мной от могилы на несколько шагов. – Что-то случилось? У тебя такой вид, будто ты увидела...

– Привидение, – опередила я его догадку. – Можно сказать и так. Знаешь, у меня сейчас мало времени, но скажи, ты можешь устроить мне встречу с вдовой и самыми близкими людьми Высотина? Например, через час?

– Мы едем сейчас в гостиницу и все будем в номере, который занимал Алекс. Я предупрежу портье о твоём приходе.

– Отлично. Через час буду там. Ты уж подготовь их, пожалуйста, – попросила я. – Ну, чтобы оказывали мне всяческую помощь. Ладно?

– Хорошо, а ты что-то узнала?

– Сереженька, потом, меня ждет срочное дело. – Я пожала ему руку и скоренько ретировалась.

Терпения у меня хватило только на то, чтобы выйти с территории кладбища и сесть в машину. Уже по дороге я позвонила одному знакомому патологоанатому, работающему в судмедэкспертизе:

– Толик, здравствуй, это Иванова тебя беспокоит. Можешь уделить мне минут десять?

– Привет, Танюша, – откликнулся Толик. – Сейчас я занят и буду занят сегодня весь день. Только если вечером. Устроит?

– Вечерком? – переспросила я растерянно. – Ладно, вечером так вечером. А ты где будешь-то?

– Да я сегодня дежурю, – вздохнув, сказал Толик. – Так что на месте и буду.

– Это меня вполне устраивает, – тут же согласилась я. – Ладно, вечером увидимся, я позвоню.

Толик что-то там еще мяукнул, мол, будет ждать меня, и все такое. Я отложила мобильный и просто сидела некоторое время в машине. Новое обстоятельство, настолько же неожиданное, насколько и ожидаемое, меня прямо шокировало. Увидев похоронную процессию, направляющуюся к выходу с кладбища, я завела мотор своей машины и поехала к гостинице. Конечно, я надеялась, что за этот час узнаю кое-что поподробнее о смерти Высотина-Колесникова, а уж после этого и пообщаюсь с его близкими. Но раз уж не вышло, буду ждать до вечера.

Добравшись до гостиницы и заняв место на стоянке, я закурила. Пусть они в номер поднимутся, тогда и я нагрюну.

«Итак, что же получается? – спросила я себя. – Что Высотин-то и есть Колесников? Ведь фотографии, показанные патологоанатомом, и свидетельствуют о том, что ему кто-то помог умереть. Получается, никакое это не самоубийство, а как раз наоборот. Значит, тут не только и не столько дело в моральном давлении, а и в чем-то другом. Следовательно, есть пусть еще неизвестный, но настоящий злодей и убийца. А кто им может быть?»

В принципе, насколько мне известно, в Тарасове из литераторов в последнее время, не считая покойного, обитали еще несколько человек. Тот же Сергей, ну и, разумеется, тот же критик. Была ли у критика выгода избавиться от поэта? Следовало выяснить. А была ли выгода у того же Сергея? Это, разумеется, тоже выяснить следовало. И вообще, необходимо было узнать, у кого была выгода избавиться от Высотина-Колесникова, да еще таким образом, чтобы все были уверены в самоубийстве жертвы. Словом, следовало как можно больше узнать о личности покойного. Этим я и собиралась заняться прямо минут через пятнадцать.

Я увидела, как к гостинице подъехали три машины, из которых стали выходить близкие Высотина. Я решила, что пусть они поднимутся в номер, пропустят по одной, слегка расслабятся, а там появлюсь и я. Я закурила, чтобы скоротать время.

* * *

Через пятнадцать минут я вышла из своей «девятки» и отправилась в холл гостиницы. Затем подошла к портюе, представилась. Он оказался в курсе и сообщил, как найти нужный номер.

Публику я застала там в полном сборе. Сережа предупредил портюе, как обещал, и меня проводили в двухкомнатный номер люкс, который занимал Высотин. Здесь собралось человек восемь.

– Ну что, может, поделишься успехами в расследовании? – спросил Сергей, открыв мне дверь и приглашая войти в номер.

– Конечно, – кивнула я. – Правда, мне сначала хотелось бы поговорить с присутствующими. Надеюсь, ты их предупредил?

– Да, но предлагаю немного отложить разговор. Здесь есть люди, которым, как нам, его друзьям, кажется, вовсе не нужно знать, что расследованием занимается сыщик. Да и вообще о том, что ведется расследование...

– А почему, интересно? – Я внимательно посмотрела на Белостокова.

– Они, так сказать, посторонние, – как-то смущенно ответил Сергей. – А мне кажется, это очень личное горе, и говорить о нем нужно с теми, кто близко знал Алекса.

– А вот, кстати... – Я тут же вспомнила о своем открытии, сделанном на кладбище. – Почему ты не сказал мне, что у него был псевдоним?

– У кого? – удивился Сергей.

– У Алекса Высотина, – пояснила я. – Полагаю, что Высотин – это и есть псевдоним.

– Я ничего об этом не знал... – растерянно пробормотал Белостоков.

В этот момент к нам подошел уже виденный мною кавказский красавец и, улыбнувшись, поинтересовался, не мешает ли он.

– Ничуть, – не менее широко улыбнулась я в ответ и протянула ему руку: – Татьяна Иванова.

– О, простите, что не представился первым. – Он поцеловал мне руку, поднял свою породистую голову и проворковал: – Артур Гафизов.

Я сделала вывод, что он не такой уж и кавказец, фамилия больно нетипичная. Как позже выяснилось, я была права.

– О, так это вы тот самый знаменитый сыщик? – сверкнул влажными глазами Артур.

– Я! И, чтобы вы в этом вполне убедились окончательно, позвольте задать вопрос.

– Пожалуйста, – великодушно позволил Гафизов.

– Вы знали, что Высотин – это был псевдоним поэта?

– Нет, – покачал черноволосой головой Артур. – Понимаете, я общался с Алексом всего четыре последних года, это с Сергеем мы знакомы лет двенадцать. – Он элегантно оскалился в Сережину сторону.

– А сколько лет ты знаком с Высотиным? – повернулась я к Белостокову.

– Шесть, – бросил он, не сумев скрыть раздражения.

– Что ж, – вздохнула я, – в таком случае не знаете ли вы, кто в этой комнате был знаком с Алексом достаточно долго, чтобы суметь ответить на мой вопрос?

– Это... – начал было Белостоков, но Гафизов его бесцеремонно перебил:

– Это может быть только Пантелей.

– Пантелей? – недоуменно подняла я брови.

– Да, Игорь Владимирович Пантелеев. Уж он-то знал Алекса лет двадцать как минимум, – заявил Артур и добавил: – Видите, Танечка, вон тот седовласый господин у окна в компании с сигарой?

Я посмотрела в указанном направлении и увидела высокого мужчину примерно пятидесятилетнего возраста с залысинами и импозантной сединой, выразительными руками, в черном костюме-тройке и очках. Мужчина задумчиво смотрел в окно, и его профиль четко выделялся на фоне пасмурного неба.

– Вас представить? – предложил Артур.

– Желательно, – согласилась я.

Артур глянул на Сергея победоносно, а тот ответил ему взглядом, полным презрения. Это маленькое происшествие не ускользнуло от моего внимания и позволило сделать пред-

положение, что между приятелями существует если не вражда, то соперничество. Еще одна «галочка»!

Я прошла с Артуром к окну, попутно пытаюсь обнаружить Ладугу Высотину, но, к сожалению, ее нигде не было. Пришлось довольствоваться господином Пантелеевым. Артур представил нас друг другу, Игорь Владимирович отреагировал доброжелательно и тут же взял инициативу в свои руки, предложив уединиться в соседней комнате.

– Чтобы нам не мешали, – улыбнувшись, пояснил он. – Полагаю, мне есть что вам рассказать.

– Тогда давайте уединимся, – кивнула я.

Мы прошли в спальню, Игорь Владимирович занял место в одном из кресел после того, как я расположилась в другом.

– Итак, кто начнет, я или вы? – спросил он у меня.

– Если хотите мне что-то сообщить, то, пожалуйста, вы, – вежливо предложила я, решив, что до поры до времени я вообще не стану ничего сообщать ему.

– Знаю, Татьяна... Как вас по отчеству?

– Александровна, – подсказала я.

– Татьяна Александровна, хочу вам сразу сказать, что Алекса подтолкнули к самоубийству. – Я и бровью не повела, ничем не выдав своего сомнения в том, что это было самоубийство. – У него достаточно врагов, – продолжал между тем Игорь Владимирович, – в том числе и среди тех, кто считался его друзьями. От зависти, увы, не застрахованы даже воспитанные и интеллигентные люди.

– Вы полагаете, ему завидовали?

– О,нисколько не сомневаюсь в этом! Посудите сами, он – президент фонда русской поэзии, фонда, между нами говоря, очень престижного, благодаря которому существует премия, вручаемая молодым поэтам, в чем в первую очередь заслуга Алекса. И что еще немаловажно, фонда богатого... Потом карьера его самого как поэта. Сборники, которые расходятся наравне с бестселлерами, чего давно уже не случалось с поэтическими книгами. В личной жизни тоже достаточно повода для зависти. Жена – красавица и умница... Вы, кстати, с ней еще не знакомы?

– К сожалению, нет, – мягко ответила я.

– Сегодня познакомитесь, – пообещал Пантелеев. – Так что сами посудите, злопыхателей было предостаточно.

– Понятно. Значит, вы полагаете, что его мог подтолкнуть к самоубийству кто-то из завистников? Но каким образом?

– Думаю, что кто-то из завистников мог создать ситуацию, – мягко улыбаясь одними губами и холодно глядя пронизательными светлыми глазами, пояснил Пантелеев, – в которой единственным решением могло быть самоубийство.

– Например?

– Например, история с последним сборником Алекса.

– Вы тоже полагаете, что здесь не обошлось без Григорьева?

– Что вы, Татьяна Александровна?! – развел руками Пантелеев. – Григорьев – всего лишь пешка. Хотя в какой-то степени без него действительно не обошлось. Но он куплен, и давно. Всем известно, что он куплен, но вот кем?

– Что-то никак не пойму вас, Игорь Владимирович, – перебила я господина как можно более вежливым тоном. – Вы тут сейчас мне пытаетесь что-то объяснить, но, простите, если покажусь непонятливой, смысл ваших речей от меня упорно ускользает. Скажите прямо, у вас есть версия случившегося?

– Хорошо, буду откровенен, – театрально вздохнул Пантелеев. – Если следовать логике расследования, то надо начинать с главного правила сыщиков: *is fecit cui rodest*, не так ли? –

Я кивнула. – Так вот, кому могла быть выгодна смерть Высотина? Кто мог создать такую ситуацию, из которой Алекс не нашел лучшего выхода, кроме как самоубийство? – Пантелеев в ожидании смотрел на меня.

– Так кому? – послушно спросила я.

– Во-первых, тому, кто займет теперь его место президента, а это Сергей Белостоков. – Я еле удержалась от удивленного возгласа. Об этом Сергей мне тоже ничего не говорил! Впрочем, как и о многом другом. – Сейчас он становится полноправным хозяином фонда. Однако он не единственный, кому эта ситуация выгодна. Скажем, Артур Гафизов. Чем не кандидат в подозреваемые? – Пантелеев вальяжно откинулся в кресле и закинул ногу на ногу. – У того, правда, другая цель – Лада. Он давно уже испытывает слабость к ней, и для Алекса это не было секретом. Признаюсь, он даже подозревал измену, хотя лично я всегда отстаивал верность и честность Лады. Но тем не менее я не могу не признать, что сейчас у Гафизова есть все шансы заполучить запретный плод. Вы не станете, надеюсь, спорить, что женщинам, особенно в таких ситуациях, очень нужна мужская поддержка? Артур готов ее предоставить. Что же касается самой Лады... Я ее очень уважаю, но и она могла стать причиной. Да, да, причиной, – назидательно повторил он. – Я знаю, что за полгода до сегодняшнего дня Алекс узнал, что у него есть взрослый сын, которого он никогда не видел. Он сообщил об этом Ладе, а та, как женщина капризная и гордая, решила порвать с мужем. Пока Алекс мог ситуацию каким-то образом контролировать, она была рядом, но две недели назад она всерьез заговорила о разводе. Словом, вот такая у меня раскладка. Полагаю, излишне добавлять, что и Лада в данном случае может выступать заинтересованной стороной, ведь к ней переходит наследство мужа, а это, поверьте, не так уж мало.

– А что же вы делаете в этой ситуации? – не удержалась я.

– Выгляжу чистеньким? – ухмыльнулся Пантелеев. – Конечно, я не ангел, но мне от Алекса ничего не достается. Мы с ним дружили двенадцать лет, но десять лет назад наши интересы совершенно разошлись. Я бросил Литинститут, в котором мы с ним познакомились, и поступил в медицинский. С тех пор единственное, что нас связывало, – это дружба, – закончил он с милой улыбкой.

– А почему вы бросили Литературный?

– Муза ушла, – спокойно ответил Пантелеев. – Писал в молодости стишки, а потом все, как отрезало. Это случилось после аварии, в которую мы вместе с Алексом попали. На мотоцикле ехали после вечеринки, врезались в столб, у меня были множественные переломы и сотрясение мозга, у Алекса – перелом двух ребер. Правда, на нас это по-разному действовало: ему только на пользу пошло, а мне... Но я не жалею, я тоже кое-чего добился, – кисло ватно улыбнулся Игорь Владимирович. – Как-никак доктор наук. Нет, не жалею о той ночи.

– А кто управлял мотоциклом?

– Он, – сказал Пантелеев. – Татьяна Александровна, не думайте, что я его за это виню. Скорее наоборот. Ну, был бы еще один никому не нужный поэт, а стал нужный многим людям врач. Сами посудите, разница огромная. Я себя чувствую востребованным. А сколько выпускников Лита остаются никому не известными? Таких, как Алекс, – единицы.

– Понятно. – Мы немного помолчали. – А что скажете насчет Белостокова и Гафизова?

– У Сережи иногда получаются сильные стихи, как мне кажется, но в большей степени неровные. Он мало себя этому отдает, все словно бережет для чего-то. А что касается Артура, так тот тоже, как и я, не доучился, бросил на третьем курсе, ушел в бизнес. Теперь он стал владельцем строительной фирмы. Но, между нами, стихи пописывает до сих пор. Сейчас, кстати, готовится сборник со вступительной статьей Алекса. Полагаю, в данный момент это Артуру только на пользу пойдет. Реклама у него – обзавидуешься. Вот еще один повод...

– Разве это повод? – не смогла не удивиться я.

– Не скажите, Татьяна Александровна, – мягко возразил он. – Порой такие, казалось бы, мелочи могут быть самым настоящим поводом.

– Игорь Владимирович! Вы ответили на все мои вопросы, несмотря на то, что я их практически не задавала. На все, кроме одного. – Пантелеев выразительно выгнул седые брови. – Скажите, давно ли Высотин взял псевдоним? И почему об этом не знают даже Белостоков с Гафизовым?

– Давно взял, – улыбнулся Пантелеев. – Еще в институте. Поменял фамилию в документах, взяв материнскую девичью.

– Спасибо за исчерпывающую информацию. Пожалуй, это все, что я хотела узнать, – вежливо поблагодарила я.

– Не за что, – улыбнувшись, проговорил Пантелеев. – Я только наметил круг. А что касается... способа, тут мне тоже есть о чем сказать.

– Слушаю.

– Как вы полагаете, как сыщик, что могло заставить Алекса воспользоваться удавкой? – Его интеллигентное худощавое лицо стало строгим.

– Позвольте переадресовать вопрос, – вежливо предложила я.

– Подумайте над возможностью шантажа. Мне это кажется самым вероятным. Хотя я и представить не могу, чем именно можно было шантажировать Алекса. И еще одно, немаловажное, наверное: он был болен. Рак.

– Что же вы сразу не сказали? – ахнула я.

– Вы думаете, это меняет дело? – удивился Пантелеев.

– И еще как!

– Сомневаюсь, Татьяна Александровна, – печально произнес тот. – Потому что форма рака была легкая, и он смело мог прожить еще десяток лет. Вряд ли это могло послужить поводом к самоубийству. Поэтому, уверен, причину искать нужно в другом.

Я помолчала, потом с позволения Игоря Владимировича закурила и наконец решилась задать самый щепетильный вопрос:

– А если это все-таки связано с Григорьевым, который собирается обвинить Высотина в плагиате?

– А он собирается сделать такую глупость? – изумился Пантелеев.

– Да, и полагает, что у него есть доказательства.

– Ну, это совсем было бы неразумно, хотя и могло стать причиной. В таком случае смерть Алекса была бы выгодна в первую очередь ему самому.

– Потому что сейчас никто не поверит обвинениям? – догадалась я.

– Да, потому что сейчас менее всего будут склонны принять это за правду, даже если это и правда.

– Согласна, – немного подумав, кивнула я. – Что же, спасибо, вы оказали мне большую помощь. – Я затушила сигарету. – Теперь позвольте попрощаться, мне следует кое-что уточнить.

– Надеюсь, с моей помощью вы выясните, что случилось на самом деле и что означало письмо Алекса?

– Надеюсь, – вздохнула я. – Хотя в своем письме, если я не ошибаюсь, он как раз говорит о том, что причина в личной жизни.

– Но все зависит от того, что понимать под «личной жизнью», – многозначительно заметил мой великодушный собеседник. – Для каждого это что-то свое.

– Вы снова правы. – Я поднялась, и Пантелеев сделал то же самое. – Спасибо еще раз. – Я протянула ему руку. – Скажите, вы здесь надолго?

– Я уезжаю завтра. Вот вам моя визитка, если вдруг понадобится...

– С удовольствием к вам обращусь, – заверила я.

Я вышла из спальни в полной уверенности, что обрела союзника, который уже прояснил некоторые детали и, возможно, поможет еще кое в чем разобраться. Игорь Владимирович покорила меня своей искренностью. Я была склонна ему верить так, как верят только профессиональным психологам и независимым экспертам.

Сейчас же я понимала: следует сначала выяснить у Толика, было ли самоубийство самоубийством. И необходимо познакомиться с вдовой Высотина, составить о ней свое, так сказать, собственное мнение.

После разговора с Пантелеевым я полагала, что следует поинтересоваться и Сергеем, и Артуром, а также узнать, что они собой представляют на самом деле.

Едва я вышла ко всем, как Сергей тут же, буквально отчаянно, метнулся ко мне. Про себя я слегка усмехнулась.

– В чем дело, Сережа? – спросила я.

– Таня, пойдем, я хочу тебе кое-что сказать. – Вид у него был весьма загадочный.

– Хорошо, – сдалась я, краем глаза заметив Лад у рядом с Артуром. Эта парочка меня тоже интересовала, но в данный момент я не могла отказать Белостокову.

Мы вышли из номера и, пройдя по коридору, остановились перед лифтом.

– Поднимемся ко мне, это ненадолго.

– Хорошо.

Двумя этажами выше мы вошли в его номер, и только после этого Сергей заговорил с волнением, которое я уже однажды наблюдала у него.

– Полагаю, Пантелеев сказал, что у меня был мотив желать смерти Алексу? – без обиняков спросил Белостоков, едва закрылась за мной дверь.

– А у тебя был такой мотив? – спокойно поинтересовалась я. – Если да, то почему ты не сказал мне об этом сразу?

– Об этом давай поговорим в другой раз, – предложил он. – Что скажешь, если я приглашу тебя куда-нибудь?

Его предложение меня очень удивило. Я посмотрела на него внимательней. С чего бы это?

– Ну, что ты молчишь? – мягко, даже нежно спросил меня Сергей и придвинулся ближе. В его глазах появилось до боли знакомое выражение, чисто мужской интерес, я бы сказала.

– Деловой ужин? – решила уточнить я.

– Ну. – Сергей немного смущенно улыбнулся. – Если хочешь, назови это так.

«Интересно, – подумала я, – а как бы он хотел это назвать?» Однако вопрос этот я оставила при себе. Сергею, похоже, я нравилась, а это, при наличии небольшого ума, можно было бы использовать в своих корыстных целях.

– Ладно, – согласилась я. – Когда и где, говори.

– Предлагаешь мне назначить время? – улыбнулся он уже более игривым тоном.

– Предлагаю, – в тон ему откликнулась я.

– Отлично. Что скажешь насчет, скажем, семи вечера? – прищурился он. – Сегодня?

– Согласна, – кивнула я.

– Поужинаем. – Он потянулся, чмокнул в щеку, чем в очередной раз даже и удивил. Я тут же вспомнила о том самом, первом моменте, когда наши с ним глаза встретились. – Я позвоню, – добавил он и приласкал меня взглядом.

– Отлично. Если это все, то я пошла. – И мы с Сергеем заперли дверь его номера.

– О, я кое-что забыл! – спохватился он уже в коридоре. – Ладно, Танюша, до вечера. – И он вернулся к себе.

Я же решила опять заглянуть в номер Высотина и познакомиться наконец с Ладой.

Однако на этот раз меня перехватил Артур. Я столкнулась с ним, когда уже подходила к номеру. Артур, увидев меня, засиял своей белозубой улыбкой. Мне это почему-то показалось подозрительным.

– Танечка, – промурлыкал он, – пойдем подымим?

Я пожала плечами и кивнула.

Он тут же завладел моим локотком и увлек в глубь коридора, туда, где у окна стояли пара кресел и столик.

– Надеюсь, тут нам никто не помешает, – проворковал он, сияя своими большими карими глазами.

Я села в кресло и закурила. Артур опустился напротив и тоже закурил, прищурился, окинув меня оценивающим взглядом.

– Вообще-то, Таня, – заговорил он, выпуская струйку дыма, – я хотел бы с тобой поговорить.

– Слушаю, – сказала я.

– Но не здесь, – тут же сообщил он. – Что скажешь, если встретимся попозже?

– Сегодня? – Я приподняла бровь.

– Ну да, – кивнул он. – Во сколько, скажи.

Я задумалась. В семь мы встречались с Сергеем, и было бы просто невежливо, посидев с ним полчаса, бросить его и пойти на встречу с Артуром. Да и одного часа как-то тоже маловато. Как же поступить?..

– Сегодня я не могу, – твердо сказала я. – Давай договоримся так. Ты мне позвонишь. Скажем, завтра. Обещаю, вечер будет свободным.

– Завтра? – Он даже немного опешил. – У тебя занят вечер?

– Дела, дела, – извиняющимся тоном протянула я, выбрав самую обтекаемую и неопределенную формулировку.

– Ну хорошо, – как бы нехотя согласился он. – Признаться, я надеялся, что мы поужинаем...

– Ну и поужинаем, – проговорила я. – Просто не сегодня.

– Ладно, – сдался Артур. – Но только вот что я тебе скажу... Я бы не стал доверять Сергею.

– Ты это к чему? – переспросила я.

– Дело в том, что... Я вот тут подумал. – Он придвинулся немного ближе. – Словом, рассказываю как лицу незаинтересованному, то есть как лицу беспристрастному... Смотри сама, раз ты сыщик, расклад такой. У Сергея, говоря между нами, есть очень реальная выгода от смерти Алекса. К нему переходит президентство.

– Об этом уже наслышана. – И сам тон, и взгляд, да и слова Артура мне не понравились. Я не люблю, когда вот так наушничают, так же, как не люблю, когда меня считают глупее, чем я есть на самом деле.

– Значит, ты тоже понимаешь, что ему это выгодно... – многозначительно заметил Артур и сразу мне разонравился после этих слов. – И потом, я бы даже другое сказал... – Он сделал затяжку. – Я бы посоветовал сыщику узнать поподробнее, что за отношения у Сергея с Ладой.

Я посмотрела на него удивленно. Он намекает на связь? А вот Пантелеев тоже на связь намекает, но только имеет в виду при этом самого Артура. Забавно!

– Артур, а как ты сам к Сергею относишься? – спросила я, пусть даже и не совсем к месту.

– А при чем здесь мое к нему отношение? – надувшись, проворчал Артур. – Я говорю о том, что у Серого мог быть мотив. И все.

– Это я уже поняла, – сказала я, подавив улыбку. – И обещаю это учесть при расследовании.

– Ну и хорошо. – Он глянул на меня обиженно.

– Договор насчет звонка остается в силе? – на всякий случай уточнила я, а то, может, и на меня он решил обидеться.

– Конечно! – горячо заверил Артур. – Только вот номер твоего телефона...

– Это просто. – Я достала визитку. – Позвони, договорились?

– Да, надеюсь, что к тому времени, – многозначительно проговорил Артур, принимая визитку, – ты уже поймешь правоту моих слов насчет Сергея. Стоит только понаблюдать за ними, и все станет ясно.

Я про себя усмехнулась. Если Артур пытается навести мои подозрения на Сергея, то делает это по меньшей мере неумело. И зачем делает? Я и так поняла: что бы там на самом деле ни случилось, Сергей тут все равно каким-то образом принял участие. Ну, вот хотя бы потому уже, что нашел меня.

– Артур, – сказала я, – только давай так: если я не смогу завтра, перенесем встречу еще на денек? Или, если хочешь, я просто сама тебе позвоню. Тоже вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.